

УДК 81'28

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-27-33

ПРИРОДНОЕ ВРЕМЯ В ИДИОЛЕКТЕ СИБИРСКОГО СТАРОЖИЛА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ФИЗИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Л. А. Иванова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Статья посвящена описанию природного времени в идиолекте сибирского старожила как одной из форм физического времени. Характеризуются основные свойства физического времени: протяженность и последовательность, а также две временные модели: линейная и циклическая. Доказано, что природное время обладает высокой значимостью для носителя традиционной культуры, поскольку организует различные стороны жизни крестьянина. Описан годовой цикл, получающий яркое отражение в народном календаре. Показано влияние суточного цикла на распорядок дня информанта. Делается вывод об отрицательном отношении диалектоносителя к нарушению устоявшихся норм, приводящему к изменению народной культуры.

Ключевые слова: идиолект, диалектная языковая личность, время, природное время, народно-речевая культура, физическое время, погода, годовой цикл, суточный цикл, народный календарь.

Категория времени является универсальной категорией человеческого сознания и культуры. Универсальность ее в том, что, будучи изменчивым по своему содержанию, она присуща человеку на протяжении всей его жизни, на всех этапах исторического развития. Время формирует пределы существования, сквозь его призму воспринимается все сущее в мире. Оно представляет интерес для целого комплекса наук: философии, физики, социологии и др. и, как и все другие категории, организующие человеческую жизнь, получает вербальное выражение. «Без языка время навсегда осталось бы лишь сопутствующим устройству мира физическим обстоятельством. Вербальное осознание времени обогащает ценностный компонент картины мира» [1, с. 94].

Традиционно описание времени в языке осуществлялось с грамматических позиций, однако в современной лингвистике акцентируется ее аксиологический, ценностный аспект. Категория времени начинает изучаться в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах как ментальный феномен, содержащий значимые для человека представления о мире. Концептуальное осмысление категории отражено в работах В. И. Постоваловой [2], Ю. С. Степанова [3], Е. С. Яковлевой [4], рассматривающих концепты русской культуры. В сборнике статей «Логический анализ языка. Язык и время» под ред. Н. Д. Арутюновой [5] также особое место уделяется способам концептуализации этой категории.

Немаловажным является изучение представлений о времени носителей традиционной народно-речевой культуры, поскольку диалекты содержат глубокие знания о традициях и обычаях русского этноса. Существует ряд работ, посвященных описанию категории времени на диалектном материа-

ле. Так, структурно-семантический аспект времени в говорах северовеликорусского наречия анализируется И. А. Поповым [6]. Монография С. М. Беляковой [7] посвящена воссозданию темпорального образа мира на материале говоров юга Тюменской области. Реконструкция и описание темпоральной концептосферы в среднеобских диалектах осуществлены в работе «Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке» Г. В. Калиткиной [8]. Время характеризуется как культурный феномен, обладающий этнолингвистической спецификой, с точки зрения абстрактного носителя языка. Однако не менее значимым является исследование отдельной языковой личности, особенно представителя традиционной культуры, которая репрезентирует основы формирования национальной ментальности.

Изучение диалектной языковой личности начинается лишь во второй половине XX в., что объясняет сравнительно небольшое число работ, посвященных данной проблеме. В 1969 г. был издан первый словарь диалектной языковой личности В. П. Тимофеева, отражающий двадцатилетний опыт наблюдения за речью Е. М. Тимофеевой, жительницы деревни Усолцева Курганской области. С 1963 г. подобные исследования начинают проводиться и в Пермской диалектологической школе; объектом изучения стала языковая личность жительницы д. Акчим Пермской области А. Г. Горшковой. В 2001 г. был издан «Экспрессивный словарь диалектной языковой личности» Е. А. Нефедовой, отражающий экспрессивную лексику А. И. Пономаревой, 1928 г. р., носительницы севернорусского говора. Существует также «Словарь языка старообрядки Агафьи Лыковой», составленный Г. А. Толстовой, включающий лексику и фразеологию, а также письма от-

шельницы. Опыт полного лексикографического описания диалектной личности Веры Прокофьевны Вершининой, коренной жительницы села Вершинино Томской области, осуществляется лингвистами Томской диалектологической школы.

Названные исследования дают исчерпывающее представление о способах членения мира индивидуальным сознанием, однако для реконструкции мировидения языковой личности необходима интерпретация материала в лингвокультурологическом аспекте, который предполагает выявление ценностных доминант индивида как носителя определенного типа культуры.

В данной работе предпринята попытка проанализировать природное время как фрагмент темпоральной картины мира диалектоносителя. Объектом описания является языковая личность В. П. Вершининой (1909–2004). Материалом послужили тексты, отражающие дискурсивные практики языковой личности, а также «Полный словарь диалектной языковой личности» в 4 томах [9]. Словарь содержит всю лексику и фразеологию, зафиксированную в течение 24 лет методом включенного наблюдения над речью информанта.

Среди различных типов времени, отражающих важнейшие сферы существования человека, значимое место в идиолекте Веры Прокофьевны занимает время физическое как априорная характеристика мира. Оно существует объективно и не зависит от представлений человека, но именно оно определяет ход всех других процессов. Как объективная категория время обладает общими свойствами, такими как протяженность и последовательность. Человек, стремясь постичь время, вырабатывает с помощью языка различные способы фиксации и измерения времени. В качестве одного из таких способов человек использует шкалу, состоящую из временных отрезков разной длительности. В идиолекте языковой личности это единицы **ВЕК¹** ‘Столетие’; **ГОД**; **ПОЛГО’ДА**; **КВА’РТАЛ** ‘Четвертая часть года’; **МЕ’СЯЦ**; **НЕДЕ’ЛЯ**; **ДЕНЬ**; **СУ’ТКИ**; **ЧАС¹** ‘Единица измерения времени, равная 60 минутам’; **МИНУ’ТА**; **СЕКУ’НДА**: «А она посоли’т пе’рва, постоя’т су’тки [огурцы]»; «Я неда’вно ма’зала [печь]. Ну с ме’сяц прошел, как вы’мазала».

Ход вещей, включенных в жизнь человека, с необходимостью соотносится со временем. Любое событие оценивается с точки зрения длительности его протекания, которую можно описать через оппозицию «продолжительный/кратковременный»: **БОЛЬШО’Й** ‘Продолжительный по времени’, **КОРЫ’СТНЫЙ** ‘Продолжительный по времени’, **ДО’ЛГО** ‘В течение длительного времени’, **ПОДО’ЛГУ** ‘В течение продолжительного времени’ / **КОРО’ТКИЙ** ‘Непродолжительный, неболь-

шой по времени’, **КРАТКОВРЕ’МЕННЫЙ** ‘Продолжающийся короткое время’, **МАЛЕ’НЬКО** ‘Непродолжительное время’, **НЕМНО’ГО** ‘2. Небольшое, незначительное время, недолго’, **НЕНАДО’ЛГО** ‘На непродолжительное время’: «Теперь подо’лгу служить-то будут [в армии]»; «Свадьбы-то больши’ были. Гуляли-то по неделе»; «Са’ма дли’нна операция четырнадцать часов. Ой! Долго, ага»; «Декабрь-то – все коро’тки дни»; «Приехал домой из больницы, че-то мале’нько побыл, с ём опе’ть плохо».

В дискурсе существуют единицы, способствующие упорядочиванию происходящего во времени относительно точки отсчета. Они обозначают порядок следования событий: **СПРА’ЗУ** ‘Сначала’, **ПЕ’РВО** ‘Сначала’, **ВМЕ’СТЕ** ‘Одновременно, в то же время’, **С ОДНЕ’Х РУК** ‘В один прием, одновременно с чем-л.’, **ВЗАДО’ЛГЕ** ‘Спустя длительное время’: «Зою-то вот эту хотела нанять – она не пришла. «Загуляла, загуляла!» – после этого **взадо-о’лге** пришла!»; «Мне надо привезти в пе’рву о’чередь, хочу я тележку навозу привезти ешо»; «С нашим домом тягиным **вме’сте** был строеный [дом], в двадцать восьмом году».

Для подавляющего большинства событий существуют временные рамки, которые регламентируются различными факторами: природными, социальными, прагматическими и т. д. Соотнесенность действий с определенным сроком и соблюдение этого срока имеют очень большое значение для носителя крестьянской культуры. Несоответствие сроку получает негативную оценку, поскольку нарушает принятый порядок вещей, который представляет одну из важнейших ценностей традиционной культуры. В идиолекте своевременность представлена единицами **КАК РАЗ**; **ВО’ВРЕМЯ**; **ПО ЧАСАМ**; **ПОРА’²**, **СРОК**, **К ТЕМ ПОРА’М**: «То тороплюсь, она’здываю на рабо’ту я. Не то что как сейчас ить раньше было-то, строго»; «А то цены набавляют а зарплату ить совсем не дают. Хоть и много ли, мало ли ну ить они же ее не дают **во’время-то!**». Своевременность получает выражение и оценку в поговорках, являющихся важнейшей составной частью народной культуры. Поговорки, являясь средством передачи и хранения многовекового народного опыта, отражают отличительные черты взаимоотношений между людьми, обычаи, традиции и особенности быта: **ЦЫПЛЯТ ПО ОСЕНИ СЧИТАЮТ**; **ДО’РОГО ЯИЧКО К ХРИСТОВУ ДНЮ**; **КОДА’ СВЕТО’К РВУТ?** **КОДА’ СВЕТЕТ**; **НЕ ВОВРЕ’МЯ ГОСТЬ ХУЖЕ ТАТАРИНА**; **СОПЛИВОГО НАДО ВО’ВРЕМЯ ЦЕЛОВАТЬ**: «Давай чай пить [Все гости ушли]. Правда, не вовремя гость хуже татарина. ~ Не могли раньше-то?»; «Кода светок-то рвут – кода светет. Надо уходить [замуж]».

При описании времени исследователи выделяют две модели времени:

– время как последовательность однотипных, повторяющихся событий (время циклическое), выражающее наивные представления об устройстве жизни, ее соотносительности с природными циклами бытия;

– время как однонаправленное движение, имеющее начало и конец (время линейное).

Время физическое чаще соотносится с линейным ходом событий, который представляет собой «ленту времени» и связан с историей как последовательностью уникальных событий. Течение времени также связано с изменением состояния окружающего мира, основанным на чередовании времен года, месяцев, частей суток и отражающим циклическую модель времени. Она выражает наивные представления о времени, рисует картину мира, в которой существует цикл – некоторый промежуток времени, по прошествии которого события начинают повторяться.

«Сочетание линейного восприятия времени с циклическим в разных формах можно наблюдать на протяжении всей истории» [10, с. 29]. Сознание современного человека также содержит характеристики как циклического, так и линейного времени. В дискурсе Веры Прокофьевны модель циклического времени актуализируется в представлении о жизни вообще, жизнь предстает как вечная смена поколений. «Циклический тип осмысления времени как жизни вообще при нехарактерности такого осмысления репрезентирован в контекстах со словом **ВЕК** '2. Жизнь, период существования кого-л.': «Ну все равно жалко колоть скотину, ну все равно, гля этого и ро'стют, кого убирать, на тем век стоит» [11, с. 108]. Однако жизнь отдельного индивида описывается в рамках модели времени линейного: «Тигровый глаз! Там ста'рость удаляет. От мне надо кра'йно, Катя, удалить. Годо'в на' пять бы! [смеется] Не удалишь ниче. Все природа. Умирать надо [в]он туда», то есть как неизбежное движение к конечной точке – смерти. Линейное течение времени как срока человеческой жизни проявляется также в паремиях **ВЕК ЖИВИ И ВЕК УЧИТЬСЯ, А ДУРАКОМ ПОМРЕШЬ; НА ВЕК НЕ ЗАПАСЕШЬ; НА ВЕК НЕ НАЕШЬСЯ; ПРОЖИЛИ ВЕК ЗА ХОЛЦОВЫЙ МЕХ**: «И корьми'ла всегда [племянника]. Кто-нибудь угостит чем-нибудь, яблоко – я и то попола'м разрежу, дам ему. «Да е-ешь сама, да е-ешь сама!» Я говорю: «Ну и я на век не наемся»; «[Прожили век за холщовый мех?] Тоже говорят. Ну, плохо прожили...». Фразеологизм **И'СКОНИ ВЕК** 'Издавна, исстари, с незапамятных времен' также отражает линейные представления о времени, поскольку точкой отсчета является момент в

далеком прошлом: «Сорок ден, поминки делают. А почему через сорок дней? А я не знаю, это уж **и'сconi век так**»; «Ты мо'дна пенка» не ешь ниче. **И'сconi век**, давно уж пословица».

Наиболее ярко циклическость представлена временем природным, основанным на смене природных явлений. Оно отражает закономерности окружающей среды и состоит из двух циклов: годового, связанного со сменой сезонов года и месяцев, и суточного, заключающегося в чередовании восходов и закатов солнца.

Осмысление времени человеком осуществляется не по физическим параметрам, а по событиям, его заполняющим. Такие события составляют оппозицию **РАБОТА/ОТДЫХ**, однако в жизни крестьянина основным событием, наполняющим время, является трудовая деятельность. Труд описывается как важнейшая ценность крестьянского социума, а человек, занятый работой, получает одобрение: «Они молодцы, с огня рвут работать»; «Хороший мужичоночка. Не знаю, как там чем, кара'хтером, а **так работяга такой!**». Труд сельского жителя, безусловно, в гораздо большей степени соотносится со временем природным, нежели деятельность носителя городской культуры, поскольку зависит от погодных условий, годового и суточного цикла. Традиционно жизненный уклад крестьянина определялся сменой времен года. В идиолекте годовой цикл представлен 4 сезонами: **ВЕСНА'**; **ЗИМА'**; **ЛЕ'ТО**; **О'СЕНЬ**, а также 12 месяцами: **ЯНВА'РЬ**; **ФЕВРАЛЬ**; **МАРТ**; **АПРЕ'ЛЬ**; **МАЙ**; **ИЮ'НЬ**; **ИЮ'ЛЬ**; **А'ВГУСТ**; **м.**, **А'ВГУСТ**; **СЕНТЯ'БРЬ**; **ОКТЯ'БРЬ**; **НОЯ'БРЬ**; **ДЕКА'БРЬ**, отражающими природные изменения. Этот годовой цикл регулирует хозяйственный быт и трудовую деятельность, для каждого вида работ отводится определенное место в нем: «То вон весна подошла – огород надо садить, все делать надо»; «А я говорю: зимой то снег, то вода, то навоз, то чистить надо, то скотину поить надо».

Результаты сельскохозяйственного труда и растения получают номинации в соответствии со временем года, что также является показателем тесной связи крестьянского быта и годового цикла: «Овечья шерсть. Не знаю, какой стрижки. Наверно, это... **зимни'на**. Зимой нарастет. <...>Которы знают, дак в руки возьмут уж, понимают, кака: или зи'мня, или **весни'на**. или зимни'на, **ле'тнинали**»; «Ае'ту весной сеяли [рожь]. Ранней весной сеяли, и жнут рано. Она **весновка** называлась».

Организирующую роль в жизни сельского жителя, работающего на земле, играют погодные условия. От погоды зависит успешность крестьянских работ, а также получение урожая: «Думаю, **поморозне будет**, может шинковку возьму пошинковую [ка-

пусту]»; «Говорят, **от ведра да от жа'ру** огурцы го'рьки бывают, а другой раз дождь, **ненасье** – тоже го'рьки». Сохранить результаты труда помогает знание прогноза, поэтому диалектоноситель четко отслеживает его: «И тря'нками закрою, и землей закапываю огурцы, **когда' передадут мороз**»; «Семь часов было время, я прослушала это, Томск, **погодку как передают, я всегда уж послушаю**». При этом погода также прогнозируется и с учетом народных примет: «Ну, если на рогу так отстоит как [месяц вертикально] – говорят, **к морозу**. А летом, говорят, **к ведру**». Народные приметы помогают предсказать также ход жизни в следующем году: «Говорят – на голый лес как рано кукует кукушка – ху'до. **Плохой год, гыт, будет**. [Плохой по погоде?] Нет, чажельый год»; «Вот Семенов день, гыт, хороший, **дак осень будет хоро'ша**. А Семенов день плохой, то и...».

Погодные условия тесно связаны с временами года. Существует представление о норме, соответствующей каждому из них, отступление от этой нормы получает негативную оценку: **Как осень; Как <глубокой> осенью; Как зимой**: «**Как во'сень**, издалася погода-то. В пятницу это, в четве'рик-то – восень и осень»; «Щас бы только еще были не'жны, свели' [огурцы] – **а как осенью, глубокой осенью**»; «Ну что за лето? Двенадцать градусов, больше не было»; «О'споди, окошки отпотели. **Как осенью, зимой ли**. Мороз. Ху'до... худа'весна стоит но'нче».

Изменение погодных условий получает осмысление в рамках оппозиции РАНЬШЕ/ТЕПЕРЬ. Время «раньше» характеризуется как «путно время», поскольку связано с плодородием: **(ПУ'ТНЫЙ** 'Отвечающий представлению о норме': «[А здесь нет клюквы?] А-а. Раньше, **когда в путно-то время** было, дак родилась так, на болоте, брали. <...> А вот нонче нету. **Теперь че есь? Че было-то, и то нету**. Я... черемуху от – свела, уж свела [цвела] прям... – ой, цветет, не знаю, кака красива! А вот... пропала. То ли ветром ее сдуло, то ли морозом ее убило. И ниче нету». Перемена климатических явлений сказывается на результатах сельскохозяйственного труда, поэтому важна для информанта: «Говорили, что солнце мало будет греть – и правда. Раньше безо всякой пленки огурцы ро'стили и все, и никакой ни холеры не было. Вот как я садила нонче, у меня таперь огурцы надо быть, а никого нету. И даже и свету мало совсем светут, пропадают. Че же – холод, и холод».

Крестьянские работы, их уместность/неуместность в традиционной культуре обязательно соотносятся с народным календарем, в основе которого лежит «чередование сакрального и профанного времени, регламентирующего жизнь крестьянского

сообщества в течение всего года». С его помощью человек стремится придать времени – универсальной сущности – определенность. Основное место в нем отводится церковным праздникам и дням почитания святых. Они выступают вехами жизни крестьян, знаменуя определенные периоды земледельческих работ: «А в субботу будет Иван Постный, последний летний праздник. От карто'шки с **Ивана Постного** начинают копать»; «Ну, да, так-то, ешо до мая-то далеко. До Миколы-то. **С Миколы** больше со'дят-то. Пашеницу до Миколы посеют, а так... после Миколы все сеют все».

Помимо регламентаций крестьянской деятельности, народный календарь отражает наблюдения народа над природными изменениями и погодными явлениями: «Покров день знаменует приход зимы, Стретенье – встречу зимы с летом. Аналогичные сведения содержатся в контекстах словарных статей ТРИСВЯТИ'ТЕЛИ, ИЛЬИН ДЕНЬ, КИ'КРИК И УЛИ'ТА и др. Ну [морозы] должны кончиться час. А потом опе'ть на Трисвяти'телей... Опе'ть перед Стре'теньем-то второго февраля – устре'тенски морозы; Ну, Илья «Ильин день» называ'тся... Илья сбросит льдинку в воду – уже не купаются после Ильина дня; Ки'рик и Улита будет грозный праздник» [12, с. 106].

Суточный цикл, состоящий из чередования восходов и закатов, как и годовой, – природное явление, однако его деление на отрезки осуществляется человеком. Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев в работе «Время суток и виды деятельности» отмечают, что особенностью русской языковой картины мира является зависимость языкового обозначения времени суток от деятельности, которая его наполняет [13, с. 36]. Они характеризуют фрагмент языковой картины мира «сутки» следующим образом: «день заполнен деятельностью; утро начинает дневную деятельность, а вечер кончает; ночь – это как бы «провал», перерыв в деятельности. Ночью нормально человек спит; утро для человека наступает, когда он просыпается после ночного сна». Это деление носит универсальный общерусский характер. В дискурсе диалектоносителя день также характеризуется как время, отведенное для работы, ночь предназначена для сна и отдыха. Изменение данного порядка нарушает установленный ход событий: «Ну седня-то у тебя **день пропал** [не работала, ездила в город]»; «Ночь, полночь он берет коромысло... не на рука'в, а на коромысле по'воду пойдет»; «Я всю ночь не спала; Кото'ру ночь худо сплю». Суточный круг представлен единицами **РАНЬ; УТРО; ДЕНЬ; ПО'ЛДЕНЬ; ВЕ'ЧЕР; ВЕЧЕРО'К; НО'ЧКА; НОЧЬ; НОЧЬ-ПОЛНО'ЧЬ**.

С. М. Толстая отмечает, что суточный цикл, как и все другие единицы времени, соотносится с мифологическими установками и наделяется различ-

ными запретами [14]. «В основе аксиологии лежит кардинальная оппозиция день – ночь, соотносительная с оппозициями свет – тьма, солнце – луна, жизнь – смерть, космос – хаос» [14, с. 163]. В дискурсе Веры Прокофьевны отголоски мифологических представлений проявляются в запретах на некоторые действия: «*Пол вымышь, выметешь – мусор тоже нельзя выкидывать, на улицу. Вечером. Вечером. Вечером. Так-то можно, наверно*».

Виды хозяйственной и бытовой деятельности могут также соотноситься с фазами луны, однако диалектоноситель не придерживается подобных предписаний: «*Ну я от например не разбираю ниче. А которы: травить, например от, тараканов. Если, гыт, будешь травить не под полный месяц – их ешо больше будет. А кода на уишерб месяц, кода он убуват – оттода надо все делать: травить и садить, например, под полный надо, ли че делать надо, в квартиру переходить – от это говорили [полный – когда луна круглая]*».

Наиболее четко прослеживается зависимость сельскохозяйственных работ от солнечного цикла: работы традиционно начинались с восходом солнца и заканчивались на закате: «*Работали на сенокосе в эту пору мы ешо не думали домой ехать. Солнце на закат, да да, солнце зака-атываются, кода' зако'титя, тода' [кончают работать]*»; «*А работали до темной ночи, до солнца, пока солнышко не закотится*». Изменение этого порядка в современном мире не принимается диалектоносителем: «*А я, стряпашь пока – бегаешь, то пополоть, то воду, то туды, то су[ды], то корову, то свиньи, то курицы – всем же надо дать, накормить, а уезжали-то ить, не ждали девять-то часов. А солнушко только [в]сходит... – дак ешо идешь другой раз, там на поля, идешь на поля – солнце [в]сходит, дрова резать*».

Солнечный цикл влияет на распорядок дня носителей народной культуры, что связано с мифологическими установками. Так, плохим знаком считался сон на закате, в дискурсе диалектоносителя это также отражено, хотя Верой Прокофьевной не соблюдается: «*[Она никогда не ляжет] при солнце спать. А я как попало ложусь. [При солнце – это*

когда? Сейчас при солнце?] Ну, счас, наверно, закатилось солнце? или нет? А, может быть от... ну, в десять часов, например, я бы могла лечь спать. А она бы не легла. Вот – «при солнце». А я лягу, ниче не разбираю».

Изменение солнечного цикла, основанное на законах природы, осмысляется информантом, поскольку означает переход к новому сезону: «*Светят, а там будет попозже светать. Как вроде ить восемь раньше же будет. И темнеть будет [позже], да. Все так. Ну все равно, счас-то к лету идет*». При этом вмешательство человека в естественный ход времени, его изменение оценивается отрицательно: «*Хоть бы не переводили все время часы!*» Ага, ага. Как, гыт... петух – из Америки петух пришел, слыхали? Некдот. Говорит, пришел – ну, в Советский Союз-то. И обратно вернулся. «*А ты че обратно?*» – «*А я там не знаю, как петь. Все время, гыт, часы перевертывают, перевертывают, подвертывают, да убавляют да прибавляют. Я не знаю, как и петь*».

Таким образом, природное время, представленное в дискурсе языковой личности широким спектром форм выражения и большим количеством единиц, безусловно, играет важнейшую роль для носителя традиционной культуры. В первую очередь это связано с организацией трудовой деятельности, являющейся основной ценностью для диалектоносителя, а также с формированием течения жизни. Средством регламентации природного времени выступает народный календарь, отражающий культуру, быт, христианские и языческие традиции. Суточный цикл характеризуется как естественное чередование дня и ночи, он соотносится с бытовой деятельностью информанта. В идиолекте прослеживается зависимость распорядка дня от солнечного круговорота, а также присутствуют отголоски мифологических верований, однако диалектоноситель, не обладая глубокой религиозностью, не соблюдает эти предписания. В дискурсе присутствует и аксиологический аспект: осмысляется отступление от старых норм, приводящее к разрушению основ жизни и трансформации традиционной культуры.

Список литературы

1. Рябцева Н. К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 78–95.
2. Поставалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
3. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
4. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.
5. Логический анализ языка. Язык и время / Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. 352 с.
6. Попов И. А. Наречие в русских народных говорах: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1983. 440 с.
7. Белякова С. М. Образ времени в диалектной картине мира / под ред. Л. Г. Бабенко. Тюмень, 2005. 264 с.
8. Калиткина Г. В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 296 с.

9. Полный словарь диалектной языковой личности: в 4 т. / под ред. Е. В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. Т. 1–4.
10. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. 353 с.
11. Гынгазова Л. Г. Концепты «жизнь» и «смерть» в языке диалектной языковой личности // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2003. С. 103–111.
12. Гынгазова Л. Г. «Полный словарь диалектной языковой личности» как источник изучения темпоральной картины мира языковой личности сибирского старожила // Вопросы лексикографии. 2016. № 1(9). С. 99–111.
13. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Время суток и виды деятельности // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 39–51.
14. Толстая С. М. Мифология и аксиология времени // Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 155–173.

Иванова Людмила Андреевна, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050). E-mail: ludon26@mail.ru

Материал поступил в редакцию 18.12.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-27-33

NATURAL TIME IN THE IDIOLECT OF THE SIBERIAN OLD-TIMER AS ONE OF THE FORMS OF PHYSICAL TIME

L. A. Ivanova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

The article describes the natural time in the idiolect of the Siberian old-timer as one of the forms of physical time. It presents the results of studying the properties of physical time: length and sequence. The article contains a description of two time models: linear and cyclic. Natural time represents a cyclic time model based on the change of natural phenomena. The article proves that natural time has high significance for the bearer of traditional culture, since it organizes various aspects of peasant life. It describes the annual cycle, which consists of 4 seasons. Annual cycle regulates the everyday life and work activity, a certain place in it is assigned for each type of work. Weather conditions also play an organizing role in the life of a rural resident working on the land, because the success of peasant work depends on the weather. Peasant works, their relevance / irrelevance necessarily correlate with the folk's calendar, which regulates the life of peasants during the year and reflects the observations of the people over natural changes and weather phenomena. The article shows the influence of the daily cycle on the daily routine of the informant. Agricultural labor depends on the solar cycle: the work traditionally began with the sunrise and ended at sunset. The article also notes the axiological aspect: the dialect language personality negatively assesses the violation of established norms, leading to a change in folk culture.

Key words: *idiolect, dialect language personality, time, folk speech culture, natural time, physical time, weather, annual cycle, daily cycle, folk calendar.*

References

1. Ryabtseva N. K. Aksiologicheskiye modeli vremeni [Axiological time models]. *Logicheskiiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical analysis of the language. Language and time]. Moscow, Indrik Publ., 1997. Pp. 78–95 (in Russian).
2. Postovalova V. I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [The picture of the world in the life of a person]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in the language. Language and picture of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1998. Pp. 8–69 (in Russian).
3. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of research]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1997. 824 p. (in Russian).
4. Yakovleva E. S. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 343 p. (in Russian).
5. Arutyunova N. D., Yanko T. E. *Logicheskiiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical analysis of the language. Language and time]. Moscow, 1997. 353 p. (in Russian).
6. Popov I. A. *Narechiye v russkikh narodnykh govorakh. Dis. dokt. filol. nauk* [Adverb in Russian folk dialects. Diss. doct. of philol. sci.]. Leningrad, 1983. 440 p. (in Russian).
7. Belyakova S. M. *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira* [The image of time in the dialectal picture of the world]. Tyumen, 2005. 264 p. (in Russian).
8. Kalitkina G. V. *Ob'ektivatsiya traditsionnoy temporal'nosti v dialektnom yazyke* [Objectivization of traditional temporality in dialect language]. Tomsk, 2010. 296 p. (in Russian).

9. Ivantsova E. V. (ed.) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of the dialect language personality]. Vols. 1–4. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2007 (in Russian).
10. Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow, 1984. 353 p. (in Russian).
11. Gyngazova L. G. Kontsepty „zhizn“ i „smert“ v yazyke dialektnoy yazykovoy lichnosti [Concepts of “life” and “death” in the language of the dialectal language personality]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical problems of Russian studies]. Tomsk, 2003, pp. 103–111 (in Russian).
12. Gyngazova L. G. „Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti“ kak istochnik izucheniya temporal'noy kartiny mira yazykovoy lichnosti sibirskogo starozhila [“Complete Dictionary of the dialect language personality” as a source of studying the temporal picture of the world of the language personality of the Siberian old-timer]. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*, 2016, no. 1 (9), pp. 99–111 (in Russian).
13. Zaliznyak A. A., Shmelev A. D. Vremya sutok i vidy deyatel'nosti [Time of day and activities]. *Klyuchevye idei russkoi yazykovoy kartiny mira*. Moscow, Yazyki Slavyanskoy kul'tury Publ., 2005, pp. 39–51 (in Russian).
14. Tolstaya S. M. Mifologiya i aksiologiya vremeni [Mythology and axiology of time]. *Semanticheskiye kategorii yazyka kul'tury: Ocherki po slavyan-skoy etnolingvistike* [The semantic categories of the language of culture: Essays on Slavic ethnolinguistics]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. Pp. 155–173 (in Russian).

Ivanova L. A., National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050). E-mail: ludon26@mail.ru